

Община Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 3-2007 (20)

Свт. Иоанн Златоуст

О ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛАХ ПЕТРЕ И ПАВЛЕ, И ИХ СЛАВНЕЙШЕМ МУЧЕНИЧЕСКОМ ПОДВИГЕ*

Небо и земля состязаются между собою в настоящем торжестве, посвященном памяти апостолов. С одной стороны, небесные силы почтительными голосами прославляют возвращенное апостольскими трудами учение, так как через апостолов же стало известно им таинство домостроительства, как восклицает Павел: *дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многообразная премудрость Божия* (См.: Ефес. 3, 10). С другой - и люди на земле усиливаются сложить достойную хвалу в честь первоверховных, трудами которых устроилось их спасение.

Что выше Петра? Что равно Павлу? Они и словом и делом превзошли всякое создание небесное и земное. Облеченные бранным телом, они оказались выше ангелов. Что же скажем мы в похвалу этим наставникам земных и небесных? Не нахожу для похвалы слов, достойных тех, которые составляют похвалу рода нашего, которые обошли всю землю и море, истребили самые корни греха и в сердцах неверных людей насадили семена благочестия. Петр - вождь апостолов; Павел - учитель вселенной и соучастник небесных сил. Петр - узда ослепленных иудеев; Павел - наставник язычников. И заметь превосходящую все мудрость Владыки: Петра избрал Он из рыбаков, Павла - из делателей палаток. (...)

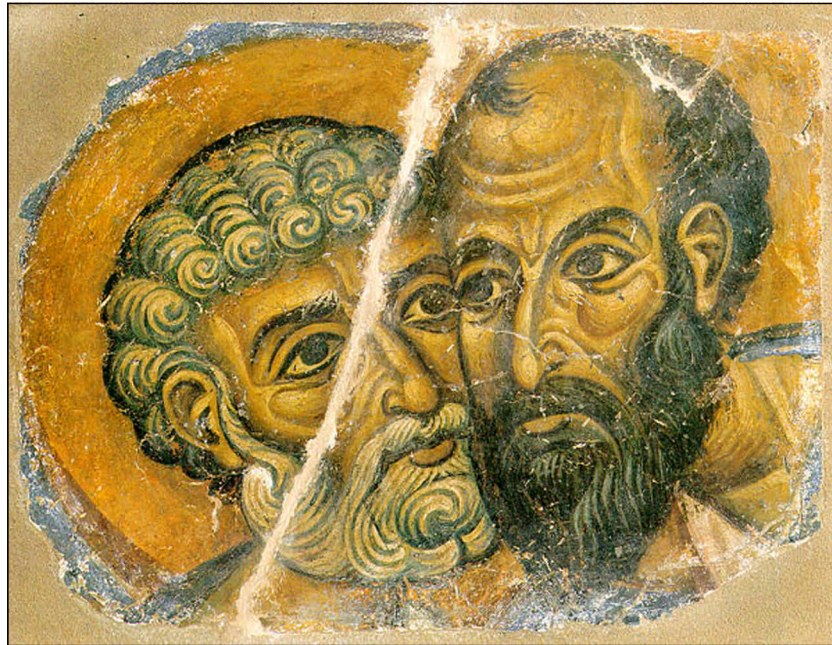
О, блаженная двоица, верно уловившая души всего мира! Петр - начало правой веры, великий священноделатель Церкви, наставник христиан, сокровище вышних сил, апостол, облеченный честью от самого Христа. Павел - великий проповедник истины, похвала вселенной, небесный человек и земной ангел, слава Церкви, орел, воспаривший к небесам, лира Духа, ласточка и кузнечик, орган Владычный, неусыпный работник Христов. Павел и Петр - упряжные воли Церкви, возделавшие во вселенной прекрасную ниву, подъявшие вместо ярма крест, вместо погонщика - Спасителя, вместо ремней ярма - заветы писаний, вместо рожна - благодать Святого Духа.

Павел и Петр - светила церковные, ежедневно просвещающие Церковь, сокровищницы Духа, просветители вселенной, сосуды благодати, истолкователи Святой Троицы, изъяснители божественного слова.

Петр - моя духовная любовь, Павел - сосуд избранный, мой жезл. Петр - храм Божий, Павел - уста Христовы, лира Духа, человек, при трех локтях росту достигавший третьего неба, телом привязанный к месту и весь мир привязавший к Господу, все страны от Иерусалима и его окрестностей до Иллирика наполнивший благовестием Христовым (См.: Рим.15, 19); быстротечный гонец, орел, взлетевший к небу, сосуд божественной благодати, посланный самим Господом пронести имя Его по всей вселенной, проникший до третьего неба и вошедший в рай, достигший неопишемого престола Христова и услышавший неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (См.: 2 Кор. 12, 4).

А о Петре что скажем? Сладостное зрелище Церкви, светильник вселенной, чистая голубица, вождь апостолов, пламенный апостол, горящий духом, ангел и человек, посредник благодати, неподвижная скала веры, маститая мудрость Церкви, своей чистотой от

самого Господа заслуживший наименование блаженного и сына голубицы, от самого Христа принявший ключи царства небесного.

Лики ангелов во многом превзойдены вами. В чем же именно? Сам Господь восхваляет вас: *вы - свет мира* (Мт. 5, 14). Вы - могущественнее царей, величественнее богатых, сильнее воинов, мудрее мудрецов и философов, красноречивее ораторов; на вас вполне оправдались слова: *мы ничего не имеем, но всем обладаем* (2 Кор. 6, 10). Вы - терпение мучеников, исповедание патриархов, воздержание подвижников, увенчание девственных, умиротворение супружеств, узда хищных богачей, вразумление невоздержных, опора царей, покров христиан, отпор варварам.

Вы укрощаете еретиков, умерщвляете неразумные страсти тела; вы низложили легионы бесов, разорили алтари язычников, наследовали обетования небесные и земные.

Вам вручены были и самые ключи Царства Небесного, а на земле вы получили власть вязать и решить грехи.

О, чудо простецов! О, премудрость невежд! Тенью своею Петр исцелял расслабленных и разрешал узы смерти. Одежды Павла врачевали недуги и изгоняли бесов. Как же сильны вы могуществом правого Духа ныне, когда предстоите рядом с Матерью Господа нашего!

О, Павел - желанная ласточка Церкви! О, Петр - соловей, непрестанно улаждающий всю вселенную! Столпы Церкви, великие светильники вселенной, не уступающие в добродетели друг другу и превосходящие всю тварь в совокупности!

Радуйся же, Петр - скала веры! Радуйся, Павел - похвала Церкви! Радуйся, Петр - основание правой веры! Радуйся, Павел - попечение о Церкви! Радуйся, Петр - украшение вселенной! Радуйся, Павел - дверь райская! Радуйся, Петр - вождь в царство небесное! Радуйся, Павел - тихое пристанище обуреваемых! Радуйся, Петр, удостоенный многих похвал от Господа! Радуйся, Павел, одаренный изобильной благодатью! Радуйся, Петр, горящий и пламенеющий Духом Святым! Радуйся, Павел, ревностный подвижник евангельской проповеди!

Всю подсолнечную вы просветили своею проповедью и безчисленные страдания потерпели за Церковь. Вы подвергались заключению в темницах, терпели оскорбления от варваров и поношения от иудеев, были презираемы царями. Не имея возможности свободно вздохнуть, вы не искали отдыха от трудов проповеди; от тяжести уз не в состоянии будучи двинуть членом тела, вы всю вселенную, связанную грехом, разрешили своими писаниями. Полчища бесов вы обратили в бегство и всю вселенную наполнили благодатью Святого Духа. Вы рассеяли мрак заблуждения, низложили дерзость бесов, обратили в прах всякое лжеименное служение, исторгли плевели из пшеницы и своими ежедневными наставлениями сделали чистою церковную ниву.

Чем же возблагодарить нам вас, столь для нас потрудившихся? Вспоминаю о тебе, Петр - и поражаюсь. В изумлении проливаю слезы при созерцании твоих подвигов, Павел. Что сказать, как изобразить ваши страдания - я не нахожу слов. Сколько темниц вы просветили! Сколько уз освятили! Сколько стражей последовало вашему учению! Сколько цепей вами расторгнуто! Сколько искушений вы претерпели! Сколько мест освятили своими стопами! Сколько оскорблений перенесли! Как носили в себе Христа! Как усладили Церковь своею проповедью! Уста ваши благословенны; члены ваши обогреты

кровью, пролитою за Церковь. Неуклонно во всем вы подражали Христу. *Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их* (Пс.18, 5).

Непоколебимо Христос сохраняет Свою Церковь, увещенную Ему вами. Подобного вам не было ни раньше вас, ни после вас. Кто осмелится возвещать что-нибудь помимо вашего предания и усвоить себе учительное достоинство помимо вас? Всех наставников вы умудрили, всех богословов вдохновили, всех непросвещенных просветили. Ваше терпение превозмогло даже косность наших сердец; оно так было велико, что вы сами желали быть отлученными, чтобы приобрести (Христу) весь мир.

Итак, что воздадим мы вам за все те блага, которые мы от вас получили?

Сегодня память ваших подвигов, сегодня празднование вашего мученичества за Христа, сегодня все мы торжественно почитаем ваши мощи.

Радуйся, Петр, вкусивший древа крестного и распятый вниз головою, в самом распятии как бы восходящий от земли на небо! Благословенны гвозди, пронзившие те святые члены, которые вождельны для меня превыше небесной славы! С дерзновением предал в руки Владыки свою душу благий и верный раб, поработавший Господу и увещенной Ему Церкви со всем усердием и постоянством, горящий духом, верный Владыке всяческих апостол.

Усечен мечем был преблаженный Павел, которого невозможно восхвалить по достоинству. Какой меч расторг эту гортань, орган Владыки, предмет удивления для поднебесной и ужаса для подземных? Какое место восприняло твою кровь, капли которой подобно молоку оросили одежду твоего палача и даже его варварскую душу усладили паче меда, обратив его вместе с товарищами к вере. Да будет же меч тот для меня вместо венца! Тридцать пять лет поработал апостол Господу со всем усердием и, совершив течение свое во благочестии, почил лет шестидесяти восьми. Ваши собственные воззвания обращаем к вам мы, грешные. Вы наставляете нас: *Радуйтесь всегда в Господе* (Фил. 4, 4); *непрестанно о нас молитесь* (1 Фес.5, 17); исполните же эти свои обещания! Не ты ли сам вопиешь, блаженный Петр: *буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память* (2 Петр.1, 15)?

Блаженный апостол Христов Петр был из Вифсаиды Галилейской, где Господь наш Иисус Христос сотворил весьма многие чудеса, откуда и Филипп родом, а блаженный Павел - из Тарса в Киликии, почил же они оба в великом граде - древнем Риме, в месяце июне, в двадцать девятый день, будучи умерщвлены при жесточайшем из царей - Нероне - и отошедши к Учителю своему и Владыке всех после многих подвигов. Итак, мы должны, возлюбленные, со всем усердием молиться Царю всех Христу Богу нашему, чтобы Он по Своему человеколюбию сподобил нас соблюсти верно предания и наставления славнейших апостолов, чтобы нам получить милость пред престолом Его. Через Него же и с Ним слава Богу и Отцу со всесвятым и благим и животворящим Духом ныне и присно, во веки веков. Аминь.

В оформлении использована фреска "Лобзание апостолов" 1170-1180г. Ватопедский монастырь.

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Помните наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

III век

Путь отцов*

ТРЕТИЙ ВЕК

Миновало полтора века от начала миссионерской деятельности Павла, полтора - от золотого века Отцов.

В третьем столетии Церковь становится еще активнее и еще шире проникает на Запад. Наряду с Александрией Карфаген превращается в центр влияния на всю Церковь. Евангелие распространяется в Испании северной Италии, по берегам Дуная. До начала III века в Галлии существовала только одна епархия с кафедрой в Лионе. В середине века Киприан говорит уже о епископах Лиона и Ария. Мы знаем, что епископские кафедры были также в Тулузе, Нарбонне, Вьенне, Париже, Реймсе, Трире. Число христиан стремительно возрастает. Ведущими становятся два центра: Рим и Карфаген.

Подготовка к крещению проходит отныне в специальных школах. Эту воспитательную и организационную задачу временно берет на себя Ориген. Наряду с посвящением в христианство возникает проблема примирения сторонников ригоризма и умеренных. Тертуллиан, Киприан, Ориген рассказывают нам о яростных столкновениях между ними, особенно в период гонений.

Церковь завоевывает образованные круги. Философы на Востоке, риторики на Западе обращаются к ней и входят в ее лоно. Вооруженные научными методами и эрудицией, они отдают свои знания христианству. Философское образование позволило Клименту и Оригену поставить гуманитарные науки на службу Слову Божию. Тертуллиан и Киприан с помощью юридических понятий создают язык богословия. Наука о праве дала возможность Тертуллиану защищать христиан перед лицом Империи.

Из семени, брошенного в землю, выросло мощное древо, ветви его простерлись столь широко, что столкновение между правами христиан и язычников становится неизбежным и еще более острым, чем столкновение мнений. Как строить свои отношения с язычниками? Задача пастырей - ответить на этот вопрос. Тертуллиан, Киприан Карфагенский и Климент Александрийский становятся моралистами, они формулируют требования христианства к личной и семейной жизни, к экономике и политике.

Римская империя дряхлеет, Церковь набирает силу. Верующих становится все больше во всех слоях общества: среди элиты, торговцев, чиновников и нищих. Качество не поспевает за количеством, уровень снижается. Раздается встревоженный голос Оригена: если судить о вещах не по их количеству, а по тому, каковы они по сути, не по толпам обращенных, но по внутреннему миру людей, нельзя не видеть, что мы уже перестали быть верующими.

Гонение пробуждает беспокойство. Но это лишь судороги смертельно пораженной империи; они уже не представляют угрозы для Церкви, однако несут предостережение плохим христианам. Киприан предупреждает вновь и вновь: ураган срывает только мертвые листья. Для тех, кто следует за учением Киприана и Оригена, наступает час мученичества, к которому они никогда не переставали готовиться.

ТЕРТУЛЛИАН († после 220)

Христианин наших дней с неизменной грустью посещает Север Африки, где из-под груза дважды погребенного прошлого встают обломки некогда процветавшей Церкви, перемешанные с обломками Римской империи. Африка, которую арабы называли Джезират-эль-Магриб, «Островок Запада», могла созвать на собор в III веке до сотни епископов. Карта епархий III века говорит о центральном положении Карфагена, игравшего ключевую роль в политико-экономической жизни Африки перед тем как стать столицей побеждающего христианства, где убеждения переходили в страсть, доводившую до ереси и мученичества.

Три имени выделяются на этом фоне, три имени, вошедших в сокровищницу Церкви и цивилизации. Три человека, родившихся на африканской земле, несут в себе все достоинства и недостатки своего происхождения - Тертуллиан, Киприан, Августин.

ТИП ОБРАЩЕННОГО

В конце второго века Тертуллиан написал «Апологетику». С точки зрения права он обвиняет империю в нетерпимости и гонениях. «Итак, добрые правители, которых тем больше почитает чернь, чем больше христиан вы приносите ей в жертву, мучайте нас, подвергайте нас пытке, приговаривайте к смерти, уничтожайте: ваше беззаконие есть только доказательство нашей невиновности. Все ваши ухищрения ни к чему не ведут, они лишь умножают притягательность нашей «секты», нас становится еще больше, как только вы собираете среди нас свою жатву; кровь христиан служит новым семенем». Это торжественный момент в истории Церкви. Страстный, необузданный Тертуллиан не довольствуется тем, что парирует удары, он переходит в атаку.

Дело даже не в разуме, не в терпимости. Африканец апеллирует к высшей инстанции - к римскому закону. Время терпимости прошло, Тертуллиан требует прав. Он приезжает в Рим, который производит на него глубокое впечатление. До сих пор Церковь героически оборонялась, Тертуллиан придает ей отвагу и наступательность.

Кто был этот молодой полемист, ловкий, опасный и неистовый? Его зовут Квинтус Септимус Флоренс Тертуллианус. Он родом из Карфагена, города, который с высокого мыса глядит в море. Его отец, язычник и воин, позаботился о его образовании, в особенности юридическом, подобающем крупным чиновникам, а также и об обучении ораторскому искусству, с помощью которого можно прожить безбедно. Его любознательность столь же ненасытна, как жажда удовольствий и развлечений.

Молодой африканец, подобно многим своим соотечественникам, говорил на двух языках, одинаково хорошо писал по-латыни и по-гречески. Его блестящее образование закончилось в Риме, где, подобно Иерониму, он обрел и интеллектуальную среду, и наслаждения плоти. У Тертуллиана была бурная молодость. Он признается, что был грешником: *intelligenti рауса*, посещал спектакли, изменял жене. Затем он возвращается в Карфаген; как и большинство его соотечественников, он предпочел Африку.

Обстоятельства его обращения остаются неизвестными. Терпение и героизм христиан производят на него неизгладимое впечатление, евангельская мораль и тайна христианства покоряют его сердце. Он никогда не обладал духом стадности, но уважал тех, кто бросает вызов господствующему мнению. Чтение Писания и благодать довершают остальное.

*Отрывки из книги А.Аммана «Путь отцов», продолжение, начало в №1-2006.

Иллюстрация - Образ умершей в виде оранты, катакомбы Каллиста, Рим.

Тертуллиан входит в молодую Церковь, уже весьма многочисленную, с развитой иерархией, входит со всем запасом своей культуры, со всем богатством своей природы, стремящейся к дисциплине, к строгости христианской аскезы. Он женат, и всю жизнь относится к своей жене с неухающей ревностью, которая доходит до того, что он запрещает ей выходить замуж в случае его смерти.

ЧЕЛОВЕК

Он был скорее неистов, чем нежен и сердечен. Святой Иероним утверждает, что он был священником.

Тертуллиан жил в обществе, любившем шумную славу и власть. Он соединял в себе вспыльчивость, независимость, чувственность африканца с качествами римлянина, ценившего силу и пользу. Историки негодуют на его стиль, некоторые несправедливо называли его «плохим провинциальным диалектиком». Тогда потешались над латинским языком африканцев, как сегодня подшучивают над их французским.

Из его словесной кузницы латинский язык вышел обновленным и обогащенным. Он создал словарь понятий, выражающих истины веры, оказал громадное влияние на христианскую литературу. Он первым сумел сформулировать мышление латинской Церкви.

Он колдует над словом. Его формулы отточены. Такие выражения, как «душа по природе своей христианка» или «кровь христиан - это семья», запоминаются каждому. «Сколько слов, столько и мыслей», - сказал Викент Леринский. Тертуллиан проник во всей тайны риторики и софистики, он силен в казуистике, преград для него не существует. Если не хватает слова, он его создает. Если мешает синтаксис, он подчиняет его себе. Ловкий защитник, он для пользы дела манипулирует и теорией.

Кем бы он ни был - практиком, моралистом, юристом или теологом, - Тертуллиан весь в своих писаниях. Стремительный, буйный, необузданный, он попирает язык, как врага, насаждает на слова, выкручивает фразу так, что порой затемняет ее смысл. Он злоупотребляет мыслью и словесными ухищрениями, у него совершенно отсутствует вкус и чувство меры. На каждом шагу человек как бы выпирает из текста, грозя разнести его. Фраза, несущая в себе клокочущие слова, дерзкие образы, кажется, вот-вот задохнется под напором мысли и чувства, рвется в куски, атакует и изматывает, никогда не дает передышки. Он приводит в отчаянье переводчиков.

Исследователи находят у Тертуллиана католические и монтанистские работы, но те и другие написаны одним пером: и там и здесь все та же смесь горечи и яда. Склонность к монтанизму проявилась уже в самом обращении, при этом церковный Устав привлекал его больше личности Спасителя. Редко услышишь от него возглас, призыв ко Христу.

Что особенно задевает у Тертуллиана - это не жестокая ирония или неистовый гнев, а страсть, которая не знает пощады. Человеку идеи и убеждения, ему не хватало отзывчивости. У него не было друзей, и сегодня он не вызывает симпатии. Это персонаж Альфреда де Виньи, он заставляет вспомнить «Моисея». Его можно сравнить с великим Арно. Он блистает, но не чарует, сверкает, но не греет.

В том возрасте, когда люди начинают полнеть и искать твердой опоры в жизни, он стал еще суше, жестче и сделался монтанистом. Монтанизм полностью отвечал его представлениям и инстинктам. Ясный и четкий ум попал в ловушку темной секты фригийских пророков и пророчиц. Устав от умеренности, стосковавшись по крайностям, Тертуллиан ищет и находит в монтанизме учение о духе и харизмах, которые льстят его чувству независимости, а также дисциплину, которая соблазняет его пуританством.

ПОЛЕМИСТ

Как можно видеть и поныне, самая непреклонная ортодоксия таит в себе опасность исказить вероучение, утратить чувство меры. Мерой служит смирение в мыслях, направляющее их к истине.

Монтанизм чреват компромиссами и непоследовательностью, он часто приводил Тертуллиана на позиции, слабость которых тут же становилась очевидна ему самому, и с тем большей яростью он обращался вспять на путь истинный; чересчур порывистый, чтобы обрести хотя бы временный покой, всегда готовый к бою, он не считался с соображениями справедливости или благородства и предоставил истории распутывать клубок собственных противоречий.

Литературное наследие Тертуллиана велико. Книга была его словом. Он весь распахнут в своих сочинениях, трактующих самые разнообразные предметы обычно в форме эполы или обличения. Слово «против» повторяется во многих заглавиях: «Против евреев», «Против Маркиона», «Против Гермодена», «Против валентинианцев», «Против Праксея», «Против духовидцев». У всех сочинений были конкретные адресаты. Он был гонителем ересей своего времени и врагов христианства, в особенности евреев, весьма многочисленных и активных в Северной Африке. Если опровержений и обвинений нет в заглавии, значит они содержатся в тексте.

Вышеупомянутая «Апологетика» - один из его шедевров - сочинение энергичное и напористое: «Я не только опровергну выдвинутые против нас обвинения, я обращаю их против самих обвинителей». Нечасто можно встретить в христианской апологетике столь строгую правовую аргументацию, столь свирепую иронию, столь убийственную логику: доводы обрушиваются, как удары молота, выковывая чеканные формулы и неотвратимые дилеммы; и все это без малейшей оглядки на власть или на философские авторитеты. Он жаждет не просто одолеть противника, но повергнуть, растоптать, унижить его - без сомнения, изрядная доля жестокости была у него в натуре.

Тертуллиан целиком проявился уже в своем «Апологетике». Он не только овладел к тому времени слогом и диалектикой, но вполне определил приемы своего полемического искусства, порой на грани софизма; здесь уже явственны его крайности, резкость, некоторое высокомерие, выразившееся в нежелании защищать христианскую справедливость и терпимость, христианское благородство. Книгу вскоре перевели на

греческий, что случалось довольно редко и свидетельствовало о широком резонансе. Ее можно отнести к тем произведениям, которые стали вкладом в общую сокровищницу цивилизованных наций. Кое-что в ней устарело, но в целом она не утратила ни своей выразительности, ни, увы, своей актуальности.

Воодушевленный успехом, Тертуллиан обратил перо против других врагов: евреев и еретиков. Книга «О началах еретичества» - одно из самых законченных и скомпонованных его произведений - остается и самой злободневной: здесь он размышляет о роли Предания в жизни Церкви и стремится активизировать взаимоотношения Писания и Предания. Перед фактом умножившихся ересей Тертуллиан отстаивает два постулата: Христос препоручил проповедь вероучения своим апостолам, и никому другому. Апостолы передоверили эту задачу лишь тем общинам, которые сами основали, следовательно, одной лишь Церкви принадлежит законное право разъяснять веру и толковать Писание. Автор отвергает незаконные притязания еретиков.

Апологетические сочинения составляют наиболее значимую для нас часть его наследия; но не менее важны и многочисленные нравственные и аскетические трактаты, где определяются основы христианского поведения в языческом обществе. Все они «одушевлены гневом и страстью». Подобно своему современнику Клименту Александрийскому, Тертуллиан убеждал христиан быть непримиримыми к язычникам. В начале III века Церковь высылала небольшие «десанты» для глубокой разведки общества. «Мы бывали на ваших собраниях, на рынках, в банях, в гостиницах, на ярмарках. Мы плавали с вами, и с вами служили в солдатах» (Апол 41, 3).

Тертуллиан превозносит воинствующее христианство, отвергающее общение с языческим миром, не желающее завязывать с ним никаких отношений, вступать в диалог.

Как священнослужитель, коему поручено приготавливать к принятию крещения, и как моралист, призванный формировать других по своему подобию, он писал трактаты о крещении, о покаянии, о молитве, даже о женской манере одеваться, имеющие явно катехизаторский характер. Он дает узаконения общественной жизни христиан, запрещает им зрелища, цирк, театр и стадион. И, как обычно, переходит всякую меру, предлагая утешаться обещанным зрелищем Страшного Суда: «Сколь же мы восхитимся, возвеселимся и возрадуемся, узрев, как все эти властители испускают во мраке свою земную славу».

МОНТАНИСТ

Став монтанистом, этот инквизитор доходит в своей суровости до того, что запрещает занятия скульптурой и астрологией как связанные с идолопоклонством. Он также был одним из первых церковных противников воинской службы. В книге «О венце» он осуждает тех, кто идет в солдаты, как отступников от христианской жизни. Клеймит он и тех, кто страшится гонений. Он пишет с яростной иронией: «От евангелия у них осталось только одно речение: “Бегите из града в град”».

Как многие аскеты, этот карфагенский священник немало занимался упорядочением жизни христианонок. Это было своеобразной компенсацией воздержания, что особенно хорошо понимал Иероним. Тертуллиан озабочен мельчайшими подробностями. Не подобает ли девице на людях завешивать лицо и открывать его лишь на время богослужения? Он прикидывает длину завесы, указывает, как ее пристойно опустить и откинуть, какова она должна быть спереди и сзади, в каком именно возрасте ее нужно начинать носить. Властный и педантичный наставник ничего не отдает на волю прихоти. Он дотошно разбирается в ухищрениях женского кокетства, печется о прическе, уходе за кожей, об одеждах и благовониях. Он и сам не чужд литературного кокетства и стилистических изысков, когда увещевает: «Белизна ваша пусть будет от простодушия, а румянец - от стыда, глаза ваши пусть обрисует скромность, а губы - молчание... в таких-то украшениях вы станете возлюбленными Господа». Любопытно было бы заглянуть в дневник его жены!

Во всех этих сочинениях немало прекрасных страниц, изобилующих сведениями о пестром сообществе африканских христиан, которых Тертуллиан стремился волей или неволей наставить на узкий путь спасения, возвести на евангельскую крутизну. Этот грозный инквизитор одновременно вызывает восхищение и внушает ужас. Нас обезоруживает, когда он сознается, скорее с вызовом, нежели с кротостью, что написал свою книгу о смиренных именно потому, что самому ему этой добродетели недостает: «Мною, к несчастью, всегда владела лихорадка нетерпения». Сочинение это, впрочем, не оказало по-видимому благотворного влияния на его характер. Вообще этот человек, столь подверженный вспышкам темперамента, мало помогает нам в разгадке тайны его внутренней жизни.

Тертуллиан трогает нас и тогда, когда воздает должное подвигу своих соотечественниц, Фелицаты и Перепеты, великомучениц карфагенских: он пишет о них с дрожью восхищения, и кое-что в нем становится понятнее.

Согласно Августину, у Тертуллиана была одинокая старость. В конце концов он рассорился с монтанистами так же, как до того с кафоликами. Он собрал вокруг себя

нескольких последних приверженцев, именовавшихся тертуллианцами, и секта эта дожила до времен Августина. Точная дата его смерти неизвестна. Громкая жизнь Тертуллиана закончилась в молчании.

Таков был этот пылкий человек, чьи писания часто изливались огненной лавой. Он был неукротим, полон высокомерия, литературного честолюбия и житейского пессимизма, что, однако, не мешало ему без устали бороться. Жил он всегда напряженно и особняком. Его сочинения отмечены печатью смятенного христианского духа. В Африке восхищались его гением и независимостью. Он был карфагенцем, а не римлянином, плотью от плоти той самой Африки, что превращала своих пиратов в героев. Он из их породы.

Августин его несколько заслонил, и для историков осталось незаметным, сколько многим епископ Гиппонский обязан своему Учителю. Августин, со своей стороны, никогда не таил восхищения перед Тертуллианом и своей зависимости от него. В Средние века о нем едва помнили, лишь новое время воздало Тертуллиану должное. Масштабность этой фигуры трудно преувеличить: он из рода исполинов.

Нижеследующее обращение имеет вступительный характер. Люди ненавидят христиан, ничего о них не зная. Те же, кто знакомится с христианством, спешат обратиться.

АПОЛОГЕТИКА

Судьи римской империи! Вы восседаете у самой вершины города, дабы отправлять правосудие. Вы не осмеливаетесь лицом к лицу с толпой открыто расследовать обвинения против христиан. Ваша власть боится и стыдится гласности, блюсти которую есть важнейшее правило справедливости. Недавно дошло до того, что вы заткнули рот всякой защите, из ненависти к нашей «секте» готовы осуждать по семейным доносам. Пусть же достигнут вашего слуха хотя бы эти беззвучные начертанные слова, и да приобщат они вас истине.

Народная ненависть

Истина не требует милости ради самой себя, ибо что же удивляться ее гонениям? Известно, что здесь она на чужбине, что ее ждет ненависть тех, кто отшатывается от нее. Известно, что ее близкие, ее обитель, упование, мощь и слава утверждены на небесах. В ожидании часа ее можно лишь пожелать, чтобы ее не кляли неслышанной.

Что за урон для ваших законов, всесильных в подвластном им мире, если услышан будет голос истины? Или могущество их возрастет оттого, что истину осудят, не дав ей слова? Осуждать, не выслушав, противно справедливости, но ваше правосудие заслужило и добавочную укоризну: оно осудило истину, не слушая, из страха, что вняв голосу ее, осудить уже не станет силы.

Невежество судей

Пусть ваше невежество и можно частью извинить, но мы виним вас прежде всего в слепой ненависти к христианству. Она тем более несправедлива и преступна, что вы с ним незнакомы. Что может быть беззаконнее, нежели ненавидеть неведомое тебе, пусть бы оно и заслуживало ненависти? Для ненависти нужно иметь достаточные основания, иначе слепая ненависть и оправдывать себя сможет лишь вслепую. Если же ненависть основана на одном отвращении, то почему бы ей в конце концов и не оказаться целиком неоправданной? Итак, мы укоряем вас в нелепой ненависти по невежеству и в несправедливости, ибо ненавидите вы безрассудно.

Этому невежеству есть свои причины, но живое доказательство его злонамеренности в том, что ненавидящие нас по неведению обычно расстаются с ненавистью, рассеяв собственное невежество. Они-то и пополняют ряды христиан, преисполнившись светом сознания, воспрезрив свои былые предрассудки и исповедуя то, что раньше ненавидели. Их не меньше, чем нас, а вы сами говорите, что нас много.

И вот повсюду стоит крик, что город захвачен, что христиане проникли в деревни, на острова и в крепости: все, без различия пола, возраста и положения - даже именитые граждане - примыкают к христианам. И это оплакивается как бедствие.

Между тем почему-то и на ум не приходит, что здесь и вправду скрыто сокровище. Словно и не знают за собой права проверить такое предположение, не ведают желаний испытать его на опыте. Любопытно все, что угодно, кроме этого. Другим вольно понимать, а эти предпочитают пренебречь. А ведь еще Анахарсис куда как резонно укорял невежд, дабы не судили знающих.

Им предпочтительнее пренебрегать, дабы лелеять собственную ненависть: познание христианства не помешает ли ненавидеть? На деле же, если для ненависти нет законных причин, то лучше и отказаться от этой несправедливой ненависти. Если же, напротив, удастся убедиться, что ненависть оправдана, то она не ослабеет, а окрепнет. Прибавится повод упорствовать в ней и отрадное сознание собственной правоты.

Неутешное горе...

или светлая радость?*

Константин Семёнов

22 июня 2007 г., в самый длинный день года, на 54-м году жизни умер Георгий Петрович Чистяков, священник, ученый, писатель, наш родной батюшка, друг, любимый человек...

О кончине о. Георгия мне, плача, сообщила Танечка Скалубович по мобильнику, застав в Ракитках у могилы моей Ленки. Весть для меня не была неожиданностью, но там я всё же не сдержался...

Твердо зная, что с таким букетом недуг, который цвел в теле отца, не живут, я каждый день кафизменно просил Господа о чуде исцеления. Но Господь чудесами не частит, не то мы избалуемся, будем не молить, а требовать, ногами топтать...

Помню о. Георгия еще диаконом, уже тогда он вызвал мой интерес и симпатию, а когда его рукоположили, я стал исповедоваться у него. Через скорое время для меня нашлось некое занятие в РДКБ. В больнице мы с о. Георгием перешли на «ты, Костя», «ты, батюшка». Один раз мне случилось «выкнута» - его круглые глаза стали еще круглее - что с тобой, Костя?! Откуда это «вы»? Если я скажу, что мы с о. Георгием дружили, то каждый второй, если не чаще, наш прихожанин скажет - Эка, невидаль! Я - тоже! - и это будет правда.

Господи! Как же я люблю этого человека. Тут и самая светлая нежность, и почти благоговение, и радостное удивление - бывают же такие!..

Он из семьи верующей московской интеллигенции - то, что я отношу к цветку нашего народа. Той славяно-тюрко-угрофинно-семит-и т.д. смеси, которая и есть русский народ. Батюшка как-то обмолвился, что на церковно-славянском он заговорил в раннем детстве, одновременно с русским.

Два года я ходил на его лекции - это можно назвать катехизацией, хотя не помню, чтобы такое слово звучало. Меня оторопь брала от его необъятных познаний. Он младше меня на 15 лет. Еще два-три года, и он бы мог быть моим сыном. А я смотрел на него, как мальчик Вася Бородин на дядю Степу. (...)Членкор, автор нескольких замечательных книг и несчетного количества статей, переводчик. И - ни малейшей намек на важность, напыщенную солидность. Напротив - некое озорное мальчишество, которое нет-нет, проскальзывало в его улыбке, каком-то словце, в походке. Но кто бы видел глаза о. Георгия, когда он разговаривал или исповедовал мам детей, пациентов Больницы... <...>

Одна прихожанка, моя сверстница как-то спросила: - Костя, помнишь, в наши студенческие годы все центральные газеты писали о вундеркинде, который в 14 лет поступил в МГУ? - Да, конечно же помню. - Это был наш о. Георгий...

Я всё гадал, так какое всё-таки у него образование - историческое или филологическое? Оказалось - Филфак МГУ историческое отделение...

Про него говорили, что он свечка, горящая с двух концов. И посередине, всегда добавлял я. Лекции в Физтехе - факультатив по истории религии, регулярные выступления по радио «София», работа в Библиотеке Иностранной литературы, постоянные публикации в «Русской мысли» и «Истины и жизни», несколько книг, переводческая деятельность, служба в нашем храме. Этого хватило бы на долгую жизнь нескольких трудолюбивых. О работе в РДКБ я уже упоминал. Когда моё поприще там закончилось, я по инерции походил туда еще, но определенного занятия не нашлось, и я перестал. Невыносимо видеть столько горя, ничего не делая. Конечно, у о. Георгия там дел в избытке. Но от груза человеческого, детского страдания не спасали. Скольких малят он там отпел! Боюсь, не на много меньше, чем крестил...

Отец Георгий и по жизни был человек не так уж крепкий здоровьем. А та история с попыткой передачи Больницы из Минздрава в какое-то НИИ - тогда долой лечение, все силы на выпечку кандидатов и докторов, - его свалила. Он с делегацией мамок дошел до какого-то крупного чиновника, и Больницу отстояли, но батюшка надолго слег в больницу. Здоровье его поехало, вскоре он огуз, стал ходить, постарчески шаркая, стремительно стареть. Было больно на него смотреть, и как-то я спросил его, правда, что у тебя лейкопения (я слышал о нем это страшное слово). -Нет, у меня стужение крови. Ничуть не лучше. Если вязкость жидкости в магистральной больше расчетной, то для сохранения расхода необходимо повышать давление. От этого, случается, трубопроводы лопаются или засоряются, и насос работает на износ. Применительно к человеку - кровеносные сосуды и сердце.

(...) Так что теперь, родные мои, будем плакать и рыдать? А Господь и наше вероучение учат всегда радоваться и за всё благодарить. Смерть любимого человека, любимого священника, друга - всегда горе и потеря, говорит наше мирское. Но у Господа все живы, возражает наша христианская вера.

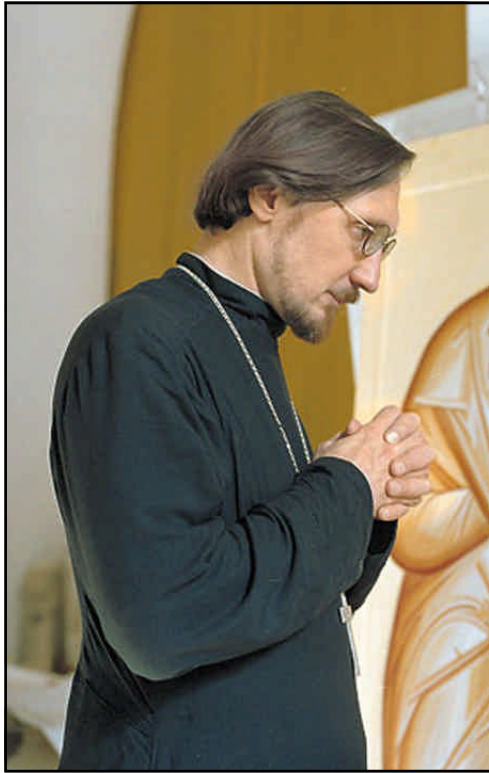
Так давайте попробуем всё-таки превозмочь боль и скорбь, попытаться найти радость. (...) Мы потеряли учителя, исповедника, друга на земле. Но у нас появился могучий молитвенник на Небе. Приобретение не какое-то, там, «виртуальное», а самое, что ни есть реальное и действенное. Это ли не причина радоваться? Пусть сквозь слезы горя. Это ли не причина благодарить? Пусть, скорбя.

(...) Это всё, что я могу сказать прямо сейчас. Извините, за несобранность и сумбур, возможные неточности. Через полгода я бы, может быть, получилось что-нибудь более внятное. Мир праху твоему, любимый друг и отец...

*Текст приведен сокращении, источник <http://damian.ru>

Философские и психологические основы фанатизма

Свящ. Георгий Чистяков

Произнося слово “фанатизм”, нужно иметь в виду, что была не только Варфоломеевская ночь, не только убийство Грибоедова разъяренными персами, но было и 11 сентября 2001 года. То есть фанатизм - это не только далекое прошлое, но и то, с чем мы сталкиваемся сегодня. Это все разбросанные по российским городам синагоги, где либо били окна, либо устраивали пожары или взрывы. Подобной участи не избежали и многие протестантские храмы. Это и история в Татарстане, где мусульмане воспротивились строительству православного храма. Это и рассылки в США по Интернету адресов врачей, делающих аборт, чтобы потом этих врачей убивали.

С проявлением фанатизма можно столкнуться практически во всех религиях. Возникает вопрос, что такое фанатизм. Представители различных конфессий часто стараются подчеркнуть, что фанатизм - это нечто особенное, не имеющее отношения к религии. Верится с трудом, поскольку история религии во все века была связана с историей фанатизма. Вольтер говорил о фанатизме как об извращенном ребенке религии, и, скорее всего, на этом определении стоит остановиться. Хотя можно, воспользовавшись образом Шварца, сказать, что фанатизм - это тень религии. Может быть, фанатизм - это плод манипулирования сознанием масс в тех или иных политических целях. Например, в Средние века Ян Гус, которого сжигали на костре, увидел в фанатизме окружавшей его толпы плод манипулирования ее сознанием. Заметив старушку, подбрасывающую хворост в его костер, он воскликнул: “Святая простота!” - имея в виду, что старушка думала, будто делает нечто хорошее.

Но опыт показывает, что фанатизм не навязывается сверху, он возникает изнутри и этим страшен. Идея Варфоломеевской ночи вырвалась в ремесленных цехах тогдашнего Парижа. Ремесленники, которые в обычное время выступали в роли хоругвеносцев - носили хоругви и различные святыни во время религиозных процессов, - стали той питательной средой, в которой возникла идея убивать гугенотов, и они же претворяли эту идею в жизнь. Поэтому, видимо, можно говорить о корпоративной природе фанатизма.

Но мы пока так и не дали определения фанатизма. Для Белля, например, это любая первобытная форма религии. Дикари, которые приносили жертвы в лесах далекого прошлого - они и были фанатиками. Современно иное определение в “Философском словаре” дает Вольтер: суть фанатизма заключается в том, что фанатик, отстаивая ту ортодоксию, хранителем которой он себя считает, готов казнить и убивать. Это, наверно, максимально жесткое определение. Фанат - далеко не всякий защитник ортодоксии, далеко не всякий фундаменталист. Фанатизм начинается там, где у человека появляется желание гнать, казнить, убивать несогласных. Это очень важно понять, потому что во времена Советской власти, например, к фанатикам причисляли таких мирных людей, как Сергей Радонежский или Серафим Саровский.

С другой стороны, слова “фанатик”, “фанатизм” - это ярлыки, потому что сам про себя человек не скажет: “Я - фанатик”. Это термин, который употребляется только по отношению к другому. И не употребляется по отношению к тому, кого мы понимаем. Определить фанатизм по-настоящему, всерьез не так-то просто. Кто такой вообще фанатик? Может, это маска на манер античных? Когда мы говорим о фанатизме, нужно быть очень осторожными и не зачислять в фанатики всех без разбора.

Поскольку самоидентификация фанатика исключена, приходится анализировать со стороны. Допустим, греки не были фанатиками, потому что, приходя в другие страны, они узнавали в чужих богах своих богов. У греков не было Священного Писания, греки охотно - как позже и римляне - принимали культы других народов, других религий. В античном Риме были храмы всех религий. И воспринималось это абсолютно адекватно. Христианство с самого начала воспринимается как истина в конечной инстанции, и поэтому почти непременно тенью христианства становится фанатизм - тот фанатизм, который проявился в инквизиционных процессах, в сожжении книг античных авторов. Почему греческие поэты 7-8 веков до н.э. дошли до нас только в цитатах поздних авторов? Потому что их книги были сожжены. С этого начинается история христианства как государственной религии. Следует подчеркнуть, что сначала, пока христиан не поддерживало государство, пока императоры не были христианами, фанатизма не было. Значит, еще одна характеристика фанатизма - зарождаясь где-то внутри массы, он обязательно поддерживается сверху.

Вольтер призывал разделять понятия “фанатик” и “энтузиаст”. В частности, Игнатия Лойолу он относил к энтузиастам. Святой Игнатий не стриг ногти и волосы, не спал месяцами, но он никого не убивал и никого не призывал делать это. Поэтому Вольтер, который очень не любил Лойолу как выразителя католических идей, подчеркивал, что Лойола - энтузиаст, а не фанатик. Фанатик - это тот московский священник, который прислал учительнице своего ребенка письмо, известив ее о том, что он запретил своей дочке учить по-английски текст о Дне Святого Валентина, потому что этот день пропагандирует проституцию, праздник этот нехристианский и т.д. Фанатик обычно ограничивается тем, что распространяет взгляды подобного рода, но когда эти взгляды укореняются в большой голове, случаются беды.

Фанатическая масса очень легко либо выдвигает из своих рядов вождя, либо идет за вождем, что можно увидеть на примере Германии и Гитлера. Бывают и фанатико-одинокими, не нашедшие активных сторонников.

Католики в глазах мрачно настроенного православного человека - это страшные враги, от которых исходит опасность. Это хорошая иллюстрация к тому, что фанатизм вообще склонен демонизировать врага, видеть во враге такую угрозу, перед которой можно испытывать только иррациональный страх и которой надо сопротивляться всеми силами. Наверное, именно поэтому фанатик практически всегда становится некрофилом (если использовать этот термин по Фромму) и стремится живое превратить в неживое,

убить, запретить, растоптать, закрыть и т.д. Не случайно же сегодня в среде духовенства и мирян очень популярна идея канонизации Григория Распутина.

Для фанатика очень привлекательна идея превращения человека в труп, поэтому надо запрещать, гнать, казнить. Если невозможно казнить физически - надо казнить морально. Фанатик очень любит убивать словами - убивать в действительности, реально. У фанатика идея “иметь”, “господствовать” доминирует над “быть” - опять же по Фромму. Фромм пишет и о том, что фанатику свойственно идеализировать прошлое и жить прошлым, и это действительно характерно для наших фанатиков, которые говорят, что вся правда - в прошлом, прошлое - это идеал, и т.д. Фанатик горит ненавистью, причем эта ненависть поэтизируется и возводится в ранг святого чувства, в его идеологии нет ни любви к жизни, ни радости, ни стремления к созерцанию.

Как и что мы можем ответить людям, которые исповедуют такие взгляды? Нельзя закрывать глаза на то, что и среди православных в России, и среди мусульман, и среди других конфессий есть фанатики. В некоторых случаях это маргиналы, но сегодняшние маргиналы завтра могут превратиться в достаточно консолидированную силу. Мой приятель - Альбрехт Диле, немецкий историк и филолог, занимающийся классической древностью, сын лютеранского пастора, умершего в конце 1930-х годов, рассказывал, что его родители смеялись над Гитлером, пока тот не пришел к власти. Мы знаем, что из этого вышло. Поэтому фанатический маргиналитет - это явление, которое приходится принимать во внимание, о котором необходимо говорить и задумываться.

Бацилла фанатизма очень легко распространяется в религии, когда религия чувствует поддержку со стороны. В независимой религиозности практически не бывает фанатизма.

Что делать? Во-первых, конечно, необходимо просвещение. Около десяти лет назад в Москве был создан Свято-Тихоновский православный институт, студенты которого не ищут врага, а изучают библейские языки, изучают другие древневосточные языки библейского ареала, типа арамейского, древнеегипетского и т.д., и учатся по-настоящему хорошо и по-настоящему серьезно. Просвещение - это очень важный компонент в преодолении фанатизма. Во-вторых, проповедь биофильского, используя термин Фромма, христианства. Когда человек начинает жить в измерении встречи с Богом, тогда вся шелуха, которая делает религию идеологией, а верующего человека - носителем этой идеологии и очень часто фанатиком, сама собою отпадает.

Огромный опыт для православия - это опыт существования православия в изгнании. Это православие, не зависимое от власти: власть его не гнала, власть его не давила, власть его не использовала, как это было в советские времена, власть его не пыталась использовать и возвысить, как это часто происходит сейчас, - оно развивалось абсолютно независимо, и в нем нота фанатизма отсутствует начисто.

Я подчеркиваю, завершая, что религиозность, свободная от опеки власти, как правило, не может быть фанатичной. Это еще один существенный компонент. Фанатизм, вырастая в какой-то темной массе непроявленного населения, всегда опирается на поддержку силы.

Источник - <http://www.damian.ru>

Сергей Аверинцев

Он сказал им: довольно.
Лука. 22:38

Что нам делать, Раввунни, что нам делать?
Пять тысяч взалкавших в пустыне -
а у нас только две рыбы,
а у нас только пять хлебов?

Но Ты говоришь: довольно --

Что нам делать в час посещения,
где престол для Тебя, где пурпур?
Только ослица с осленком
да отроки, поющие славу.

Но Ты говоришь: довольно -

Иерей, Иерей наш великий,
где же храм, где злато и ладан?
У нас только горница готова
и хлеб на столе, и чаша.

Но Ты говоришь: довольно -

Что нам делать, Раввунни, что нам делать?
На Тебя выходят с мечами,
а у нас два меча, не боле,
и поспешное Петрово рвенье.

Но Ты говоришь: довольно -

А у нас -- маета, и морок,
и порывы, никнущие втуне,
и сознание вины неключимой,
и лица, что стыд занавесил,
и немощь без меры, без предела.
Вот что мы приносим, и дарим,
и в Твои полагаем руки.

Но Ты говоришь: довольно -